

же в столь же пассивное «способствование злу».

Половинчатое приятие толстовских идей Россией может, до некоторой степени, быть объяснено половинчатостью их вдохновителя. Толстой моралист, философ и ересиарх, загорающийся при каждом упоминании о Востоке, никогда не победил в себе представителя нашей западной аристократии, графа Льва Николаевича, добродушного яснополянского помещика, одинаково любящего и цыганские песни, и душеспасительные разговоры с игуменом соседнего монастыря.

Ганди, конечно, не сравним с Толстым ни по силе, ни по красоте, ни по логичности мысли, но он натура **цельная** и в этом его несомненное превосходство в сфере активности. Другим источником силы является у Ганди его **активная религиозность**, совершенно отсутствовавшая у Толстого. Религия у Ганди — реальность, у Толстого — идеология. У обоих она — синтезообразная смесь представлений Христианства и учений Средней Азии, но Толстой **нисходит** с непостижимых им мистических высот христианства в дохристианские предчувствия Азии. В этом его **падение**, если не осознанное им, то интуитивно чувствуемое, приведшее его на пороге смерти к порогу Почаевского монастыря. Ганди, наоборот, **восходит** в своем индуизме к новой идее, из которой он вмещает все, что может вместить и воплощает в жизнь все, что может воплотить. Принимая идеи Толстовского Христианства, Ганди остается стопроцентным индусом. Индуизм — религия синкретизма, гостеприим-

но принимающая в свой пантеон всевозможных богов. Ганди вполне законно для своей религии ставит Христа синкретически в ряд многих других пророков, через которых и в которых Божество открывается миру. Христос для него новая форма, новая идея безграничного добра и любви и отсутствия насилия. Новый этический порядок, которому надо следовать, и которому он следует до полного, по его мнению, подражания в любви и страдании. В отношении к Индии, в которую он влюблен, он стремится сознательно уподобиться Христу «пострадать за грехи своего народа», «искупив их».

Таким образом Ганди, приняв этически, эстетически и морально христианство Нагорной Проповеди в толковании Толстого (которого он считал своим учителем и с которым был в 1908-1910 г.г. в переписке) не только не становится половинчатым, полувосточным, «евразийцем», — но наоборот, становится лишь более цельным и лучшим индусом. В нужную минуту он находит силу сбросить с себя даже видимость европейца (будучи по образованию лондонским юристом и адвокатом), сбросить, все, до последней нитки европейской одежды, и, голый, в собственноручно сделанной повязке вокруг бедер, является в глазах Индии и Востока глубочайшим воплощением идеи национального роста освобождающихся народов. Голый стоит он один против всей Англии, против ее штыков, пулеметов, орудий, против ее губернаторов, солдат и тюремных сторожей — и побеждает их... силою Духа.

В. Зубов.

НОВЫЕ ТЕЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ

Российская Революция поставила перед миром поистине мировые проблемы. И Европе их не обойти. Проявляясь в разных формах, российская революция уже стала явлением мировым.

По всему свету разбросаны очаги ее жалких подражателей — местные компартии. — Появились и другие течения, — самостоя-

тельные — из которых одни уже теперь думают о том, что будет после революции, другие — как бы эту революцию миновать, похитив из ее арсенала самые сильные, сознательно-взрывчатые идеи, пытаясь направить их по иному пути.

Русским людям пореволюционного сознания надо быть в курсе этих исканий и по-

туг новой европейской мысли. Ее установ- ки интересны тем, что позволят нам провер- ить по ним и наши теоретические иска- ния. Критика их положений иногда явится для нас также и самокритикой. Попытки приложения новых теорий к жизни (фашизм, национал-социализм) для нас должны быть особенно поучительны.

Мы предполагаем в каждом «не-четном» номере давать краткий обзор какой-либо группы новых вне-российских течений. На этот раз, за недостатком места, мы ограничиваемся кратким обзором одной только Германии.

Там развивается сонм родственных те- чений, на первый взгляд мало чем друг от друга отличающихся; ниже мы кратко ука- жем наиболее характерные из них. Суще- ственное сложное положение в Германии за- ставляет воздерживаться от рискованных прогнозов; удержится-ли Шлейхер? Оконча- тельно-ли «упустил свой шанс» Хитлер? Не выдвинется-ли кто-нибудь третий, ныне еще берегущий себя на вторых ролях? Сейчас судить об этом трудно. Да и не так это в сущности важно: кто-бы ни закрепился скольконибудь прочно во главе сегодняш- ней Германии — он все равно принужден будет черпать свой социально-идеологиче- ский багаж из того-же самого общего источ- ника: всего «комплекса» новых течений, а который именно **оттенок** восторжествует — имеет, в конечном счете, третьестепенное значение.

Поэтому нас может интересовать главным образом то **общее**, что имеется во всех не- мецких «пореволуционных» (если можно так выразиться) направлениях.

Самое яркое немецкое течение, — конечно — национал-социализм. Это вообще тип мировоззрения очень близкий германскому духу. Национал-социалисты и против капи- тализма борются главным образом потому, что он чужд германскому народу, т.-е. **из националистических побуждений**. Есть в них и непреодоленная до-революционность: мно- гие установки — лишь случайно выхвачен- ные и уродливо преувеличенные отдельные черты старо-классического лан-германизма. Так, национал-социалисты являются защит-

никами чистоты германской расы и откры- то проповедуют антисемитизм. В них пре- жде всего **национальная гордость опреде- ляет сознание**. Они, в общем, враждебно настроены по отношению ко **всем** расам. Отношение к евреям — только самое рез- кое проявление этой ненависти. О России они просто говорят, что, «если нам пона- добится земля, мы возьмем ее на Востоке» (Hitler «Mein Kampf. — Jung «Der Na- tionale Sozialismus»).

Гораздо интереснее для нас экономиче- ские положения «наци», направленные про- тив капитализма. Их программа, переиздан- ная в 1932 году Г. Федером, содержит кро- ме общезвестных «25 пунктов», специаль- ный отдел, касающийся сельского хозяйст- ва. Хитлеровцы призывают немцев вернуть- ся к земле. «**Вся земля принадлежит госу- дарству**». Только оно имеет право сдавать в аренду и продавать землю. Частная собст- венность признается лишь постольку, по- скольку собственник пользуется ею для об- щественного блага: в противном случае — она конфискуется в пользу государства. Банки, анонимные общества, тресты, пере- ходят в ведение государства.¹⁾

Замечается и у национал-социалистов по- пытка утверждения принципа коллективиза- ции. Фабрики, «товарные дома» (универ- сальные магазины) «должны принадлежать всем сотрудникам совместно» (Rosenberg «Das National-Sozialistische Program»).

Борьба национал-социалистов против ка- питализма является, по их заявлениям, пре- жде всего борьбой против **злоупотребления** капиталами и против накопления **мертвых** капиталов в частных руках.

На другом участке фронта, национал-со- циалисты являют себя ярыми врагами так- же и марксизма — потому что «он пропо- ведует материализм». Они утверждают, что германцам изначально свойственна религи-

1) Другая (более умеренная) немецкая группировка, за последнее время даже сблизившаяся с ген. Шлейхером, и представленная журналом «Die Tat» («Действие»), принимает почти целиком те же экономические позиции. Но она называет их «государственным капитализмом». — И. И.

озность. Но национальная религия Германии, хотя и должна быть христианской (они отрицают, в брошюре Г. Федера, всякую связь с Вотанистами), но не католической и не протестантской, а «германо-христианской» (Jung «Der Nationale Sozialismus»).

Из этого видно, что вся «духовность» у хитлеровцев связана с их культом расы.

Однако, вышеперечисленными германскими направлениями не исчерпываются попытки сопредить национализм с социальным радикализмом. Нельзя не отметить группу, издающую журнал «Vorkämpfer» — ставящую себе ту же задачу, но идущую много левее «наци» и свое требование социальных реформ доводящую часто до утверждения чистого социализма, что, в свою очередь, роднит ее с отколовшейся от хитлеровцев также влево группой Отто Штрайсера — «Schwarze Front».

Насколько хитлеровцы сосредоточивают пафос своей борьбы на столкновениях с коммунистами (причем, если учесть их русофобство, не знаешь, — не борются ли они с ними, как с авангардом Москвы) — настолько же группа «Vorkämpfer»-а занимает подчеркнуто-русофильскую позицию и, может быть, как раз по этой причине, никакой агрессивности по отношению к коммунистам не высказывает.

Хитлеровцы стремятся заменить стены и подвести новый фундамент под крышу старой германской государственности. «Передовые бойцы» («Vorkämpfer»: Передовой Боец) видимо считают, что строить можно только на чистом месте — и потому, провозглашая первой и ближайшей задачей низвержение капитализма, они готовы со-

чувственно наблюдать за революционным разрушением старого мира коммунистами. В этом отношении они, конечно, в наибольшей степени «пореволюционны» (в буквальном смысле) из всех германских искателей новых форм общественной жизни.

Интересно еще указать на объединение, определяемое журналом «Gegner» («Противостоящий»); он был создан в связи с прошлогодним франкфуртским съездом новых политических направлений западной Европы. «Gegner» — зачинатель подготовки «четвертого интернационала» — «идеократического». Не касаясь здесь вопроса об осуществимости такого проекта, все же отметим, что «Gegner» уже теперь пытается, как и мы, объединить молодых деятелей на основе положительных утверждений. Журнал базируется на необходимости в виду «общего духовного хаоса нашей эпохи, снова углубиться в основные вопросы и, исходя из них, установить новый порядок» (статья Шульце-Бойзен).

Для новых течений европейской мысли несомнен конец капитализма (а в некоторых конструкциях — вместе с тем и матерьялизма). «Этот конец надо ускорить»: в этом отношении они также все согласны.

Но каков должен быть завтрашний день им определить, конечно, трудно. Труднее, чем послезавтрашний, который несомненно, хотя и смутно, но уже чается некоторыми из них: чается почти таким-же, каким видят его — не представители Европы (хотя и молодой), — а те, для кого европейское «послезавтра» есть уже российское «завтра»: русские пореволюционники.

Ирина Ильинская.

СОЛЬ ЗЕМЛИ

Наши критики, причисляющие себя к «старшему поколению», упрекают молодых в самомнении, в стремлении к невыполнимым «мировым задачам, к миссианским и мессианским «бредням».

Конечно, чрезмерность порывов иногда смешна, но она смешна радостно.

Радостно видеть, что ни поражения, ни

нужда, ни безвыходность не сломили, не примирили с «канареечными» достижениями.

Радостно видеть, что даже из своего ужасного «ничего» молодые стремятся к высоким, творческим целям.

Если и падут, не вынесут, разменяются... Кто бросит в них камень?